

● Перелистнулась жизнь назад —
это было абсолютно физическое возвращение!

№25 (1147) 06.04—09.04.2006 г.

21

15 апреля — пятидесятилетие
«Современника». Наши соседи по Чистым
прудам доказали: творческий коллектив
может жить долго и успешно

Марина НЕЕЛОВА,
специально для «Новой»

З адолго до постановки Волчек «Крутого маршрута» читаю книгу Гинзбург, только что вышедшую. Читаю и реву, именно не плачу, а реву страшным ревом, с красным носом, со вспухшими глазами, с разводами на страницах, реву, не переставая, в голос, иногда утыкаясь в книгу лбом, хочу с ней расстаться, прекратить эту пытку — и не останавливаясь, пока не закончу последнюю страницу.

Эта книга — первое испытание на «чувство» на этом пути. По первой части «Крутого маршрута» в 1989 году Галина Борисовна Волчек решила поставить спектакль. Его был сделан первый, очень опасный и очень дерзкий шаг. Опасный потому, что эта тема очень сложна для того, чтобы вынести ее на сцену... потому что еще живы люди, прошедшие через этот ад, которые помнят это своей кожей, которые никогда не забудут все, через что они прошли, у которых это осталось в их не только физической, но и эмоциональной памяти. Эти люди живы, перед ними нельзя соврать, их нельзя обмануть, нельзя НАМ — не оправдать. Опасно потому, что малейший обман, ложь превращаются в кошмар. Дерзко потому, что впервые ЭТО — на сцене.

Вскоре после начала репетиций к нам приходят «консультанты» — пожилые женщины: Паулина Мясникова, Надежда Иоффе... Каждой лет — под 70. Обращаясь друг к другу, называют себя «девочки», вспоминают подробности, вспоминают ТАК, как если бы это было вчера... Все время слышишь: «А помните, девочки, когда входил охранник, мы должны были... А помните, что мы ночью, когда спали по двое на нарах, переворачивались на другой бок одновременно (узко, можно повернуться только вместе)».

Всё вместе: с утра до ночи и ночью; стыдно, ужасно, незащищено — женщины...

— А помните, когда мы выносили парашу (огромный неподъемный бак), нам приносили палку, мы продевали ее через ручки этого бака, чтобы вынести вдвоем?

Сколько весил этот бак? И в состоянии ли его вынести две женщины?!

Павочка Мясникова. Мы звали ее только Павочка, всегда без отчества, не от амикошества, но от любви, от нежности, от желания приблизиться к ней.

Одна из первых репетиций на сцене. Мы, все участвующие в спектакле, сидим на полу, среди нар, деревянного стола, железных кружек, котомок, узлов с тюремным скарбом. Павочка... Белый кружевной (почти детский или школьный!) воротничок, очень аккуратный, отглаженный, серое платье, туфли на маленьком каблучке, прямая, очень прямая спинка, седые, только что завитые на бигуди волосы, глаза — так открыто, с интересом, без многолетней боли смотрящие на нас. Это поразило! Пройдя эту страшную 20-летнюю жизнь, эти нечеловеческие испытания, пройдя весь этот очень крутой маршрут, сохранить и не потерять, а значит, и иметь с самого начала этот взгляд. Но, наверное, только имея его в себе, и можно было не только вы-

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР
СОВРЕМЕННОСТИ

Жертвам сталинских репрессий
посвящается

Как я вошла
в «Шинель»
Гоголя

Ветер
в «Вишневом
саду»

«Крутой маршрут», или На одной сцене с героиней

Новая газ.
жить, но и жить дальше — без ненависти, злобы, напротив, не потеряв любви, а как будто умножив ее!

Стоит, что-то рассказывает... Я, заметив неловкость, что она стоит, а мы, хоть и на полу, сидим: «Павочка, вот стул, сядьте, пожалуйста, а то неловко как-то». Она — с таким коротким и отрицающим жестом: «Нет-нет, я очень легко стою. Вы знаете, я однажды на конвейере (конвейер — это когда допрос длится без остановки 5—6—7 суток, следователи меняются каждые два часа, а подсудимый стоит без еды, питья, сна, туалета. — М.Н.) пять суток простояла по колено в воде и даже (это было сказано с какой-то гордостью. — М.Н.) не потеряла сознания! А мужчины, между прочим, падали на вторые сутки!».

Павочка (близкая подруга Евг. С. Гинзбург) и ее «девочки» приходили к нам на все репетиции, вспоминали, рассказывали, помогали, снова про-живали...

Репетиции, репетиции, прогоны. Они, эти «девочки», не знали хорошо про театр, они не могли что-то сказать нам после очередных прогонов, и даже после генерального; мы все ждали и волновались, зная, что настанет день премьеры, в зал войдет зритель, среди них будет много тех, кто знает про «это» не понаслышке и не из книг и чьих-то рассказов. Войдет этот настоящий зритель, и тогда-то все и решится: случилось это или нет?! Настоящее это или театр, который взял на себя такую смелость — дерзость вынести это на их суд... Премьера...

Спектакль идет, мертвая тишина, он закончился, опять мертвая тишина — сколько она длится? Не помню. И после этой бесконечной и пронзительной тишины зал встал. Значит, мы их не обманули. Но Павочка ко мне после спектакля не подошла, я же, честно говоря, ждала только этого, но понимала, что ей трудно воспринимать меня, совсем не похожую на Евг. Гинзбург — ее близкую подругу, я понимала, что ей трудно что-то сказать. Она не зритель, она соучастник...

На следующее утро у меня дома — телефонный звонок. Снимаю трубку. Павочка: «Простите, Марина, я вчера к вам не подошла, вы очень устали (! — М.Н.), но я хотела вам сказать: когда вы вошли в камеру и сказали: «Женя» и протянули руку, мы с девочками вздрогнули. Женя так всегда смотрела, протягивала руку и говорила: «Женя». Я так опять заревела».

Вернее, заревели мы обе! Но это не про меня; это про Павочку: каким же деликатным надо быть человеком, чтобы постесняться подойти после спектакля, потому что «устала». И как часто потом она меня удивляла этой поразительной тонкостью, деликатностью и тактом!

...Мы ехали в Америку на гастроли со спектаклем «Крутой маршрут». Галина Борисовна очень хотела, чтобы Павочка впервые побывала за границей, и решила ввести ее в спектакль как некий «крупный план».

И снова репетиция по вводу Павочки: камера, надзиратель называет ее номер, фамилию — Мясникова: «На выход!». И впервые она с нами на сцене. «Номер... Мясникова, на выход!». Только один ее проход по сцене, но что с нами было, когда она вышла! Когда она «вернулась» в то время! Ее тело, глаза, руки, ноги — все вспоминало этот ужас, перелистнулась жизнь назад — это было абсолютно физическое возвращение! Мы — все, кто был в этот момент на сцене, — заревели на 20 голосов, а она шла, наверное, как тогда: «Номер такой-то! Мясникова, с вещами — на выход!», — даже с каким-то удивлением глядя на нас, и вдруг, вне режиссуры, выходя из камеры, отдала свой кусок хлеба, свою пайку... все вспомнила.

Потом было множество гастролей: Германия, Швейцария, Америка — зал вставал и рукоплескал нам, но в первую очередь — ей: Паулине Степановне Мясниковой, глядя на нее настоящую живую, не веря, что это может быть, что это было.

И я никогда не забуду ни ее прямой спины, ни ее глаз, ни ее седых кудряшек, ни ее белого кружевного, почти школьного, воротничка...

Неелева Марина

09.04.06